

НАРОДЫ АФРИКИ

© 1991 г., СЭ, № 4

В. А. Попов *Этносоциальная история аканов в XVI—XIX веках. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. Л. 1990. 277 с.*

Рецензируемая книга посвящена аканам — одной из крупнейших этнических общностей Африки. Однако сразу же хотелось бы отметить, что эта работа охватывает такой широкий круг актуальных дискуссионных теоретических проблем, касающихся социально-экономических основ и периодизации общественных формаций, путей перехода от предклассового к классовому обществу, что она далеко выходит за локальные рамки, установленные в заглавии. Одновременно следует подчеркнуть и большое практическое значение всех затронутых проблем, так как выявление основных направлений и тенденций формационного развития в доколониальное и раннеколониальное время позволяет сформулировать обоснованное суждение о многих современных социальных, экономических, политических и национальных процессах. Детальное изучение этих процессов в истории аканов, корректная оценка уровня развития их этнополитического организма дает твердую почву для осмысления сегодняшнего развития государств Ганы и Кот-д'Ивуар, а также ряда других стран африканского континента.

Нельзя не отметить высокий научно-теоретический уровень исследования, самостоятельность мышления автора, настойчивое стремление рассмотреть и выяснить наиболее фундаментальные социально-экономические и этнокультурные процессы, а также убедительное решение большей части поставленных исследователем задач. Данная работа — первое обобщающее исследование формационного развития аканов в доколониальную эпоху. Оно потребовало от автора глубокой проработки значительного объема соответствующей литературы и источников.

Первую, «Методологическую», часть книги автор посвящает историографии изучения социально-экономических отношений в обществах первичной и вторичной формаций, критически анализируя взгляды разных авторов и давая при этом собственную интерпретацию рассматриваемых проблем.

Во второй, «Параметрической», части рассматриваются этническая и социально-политическая история аканов, их традиционное хозяйство, общественный строй, родовая организация, общинные институты, военная организация, надплеменные политические организмы и объединения вожеств, конфедераций Ашанти и Фанти. Здесь же автор исследует системы терминов родства как показатель уровня стадийно-формационного развития, т. е. как исторический источник. В этой части также рассматривается система традиционного мировоззрения аканов.

Третью часть книги, «Атрибуционная», содержит анализ экономического базиса обществ аканов, форм и принципов разделения и кооперации труда, способов эксплуатации, уровня имущественной дифференциации, проблемы многоукладности и тенденции развития общества в сторону феодализации.

В особых разделах в этой части книги исследуются историческая динамика социальных отношений и тенденций классогенеза, потестарно-политическая структура и специфика политогенеза в этом регионе Африки, вторичность политогенеза у аканов. И, наконец, здесь же рассматривается важнейшая проблема социально-формационного развития аканов в условиях межформационного взаимодействия.

Общий методологический подход к исследуемым проблемам В. А. Попов излагает во «Введении». Он справедливо отмечает, что определение стадийно-формационной принадлежности доколониальных обществ в Африке составляет одну из актуальнейших проблем африканистики, имеющих теоретическое и практическое значение. В связи с этим хочется особенно подчеркнуть мысль

автора, что «... на фоне заметной растерянности перед массовыми взрывами традиционализма на современном Востоке», становится очевидным, что в наших представлениях (как в марксистской, так и в немарксистской, особенно африканской научной литературе) «... необоснованное завышение уровня стадийного развития африканских и других восточных обществ к началу колониального периода и неверно взятая точка отсчета породили неадекватные представления о результатах и глубине воздействия на эти общества со стороны метрополий в колониальный период, обусловили преувеличение степени их подготовленности к восприятию капитализма и социализма» (с. 3—4). Нетрудно заметить, что это положение приложимо не только к оценке формационного развития традиционных обществ Зарубежного Востока, но и шире, в частности, к ряду обществ Средней Азии и Кавказа в дореволюционный период в нашей стране. Этот вывод, уже нашедший место ранее на страницах отечественной научной литературы и публицистики, блестяще подтвержден на материале по аканам в книге В. А. Попова. Теперь хорошо известно, что неверная оценка уровня развития, который либо чрезмерно модернизировался и завышался, либо наоборот — архаизировался, реализовалась в конкретной политике и во многих случаях неблагоприятно сказалась на дальнейшем экономическом, политическом и культурном развитии ряда обществ. В. А. Попов совершенно прав, утверждая далее, что «... только знание реального уровня развития позволит выработать подлинно научную стратегию и тактику борьбы за социальный прогресс... позволит понять, что способствует, а что мешает этнополитической консолидации и политической стабильности, разобраться в причинах кризисных явлений и провала многих реформ» (с. 4). Хороший тому пример в книге — борьба К. Нкрумы с несуществовавшим в современной Гане феодализмом (с. 4—5).

Автор четко ставит проблему формационной природы ашантийского общества. Заслуживает внимания исследователей анализ точки зрения ученых, пытавшихся доказать «всеобъемлющий характер» феодализма в Африке («Комплекс И. И. Потехина»), достигший крайней законченности в концепции всеобъемлющего феодализма в Африке у Ю. М. Кобищанова — см. стр. 10. Таким образом, отчетливо проявляется тенденция завышения формационного уровня, которая находит прямые параллели в интерпретации Б. Я. Владимирцовым и некоторыми нашими исследователями — его единомышленниками общественных отношений у номадов в виде теории «кочевого феодализма», сконструированной на основе произвольного филологического толкования социальных терминов и прямых аналогий с западноевропейским феодализмом. В целом соглашаясь с отношением автора книги к проблеме феодализма в Африке, не могу не отметить, что в представленной им модели феодализма (с. 31—35) отсутствует весьма существенный элемент, а именно — наличие как неперемennого условия этой формации — наследственного, а не просто сословного монопольного (как у В. А. Попова) права, причем не обязательно реализуемого, на землю. Возникает также сомнение по поводу утверждения автора, что ведущая роль при определении способа производства принадлежит отношениям собственности (с. 27). Он сам пишет, что отношения собственности определяют прежде всего классовую структуру. Не спорю, но как тогда быть с определением исторического формационного уровня доклассовых обществ?! Нисколько не отрицая значения отношений собственности в формационном развитии общества, тем не менее позволю себе присоединиться к существующей в науке точке зрения, что главный формационный признак — это уровень и характер общественного разделения труда. К сожалению, автор оставляет этот вопрос за рамками исследования методологии и лишь кратко касается его в III части книги.

Полностью можно согласиться с В. А. Поповым в том, что концепция феодализма (за пределами европейского средневековья) еще далеко не изучена и во многом остается спорной (с. 31—32). Полагаю, что для наиболее объективной оценки формационной принадлежности доклассовых обществ Африки и других регионов нельзя будет обойтись без глубокого сравнительного анализа социально-экономической системы номадов. В фундаментальных вопросах здесь немало аналогий.

Интересны в целом рассуждения автора касательно стадийно-формационной атрибуции (с. 18 и сл.) Думаю, что они вызовут у многих читателей естественное стремление поразмышлять и поспорить с автором. В связи с этим обращаю внимание на два момента. Первый состоит в том, что, насколько известно, в трудах К. Маркса мы не находим твердого, четкого, единообразного определения категории «общественно-экономическая формация», а потому наши трактовки ее смысла в большинстве случаев оказываются весьма субъективными, что касается и уважаемого автора книги, а потому принятое им определение относится не столько к Марксу, сколько к самому В. А. Попову. И второй момент. Автор полностью принял за основу определения производительных сил и производственных отношений и их корреляции взгляды классиков марксизма. Возра-



жений по существу нет. Однако представляется, что сегодня весьма плодотворным был бы путь поиска связующего звена между этими фундаментальными формационными категориями. Уже давно историками ощущается некоторая разобщенность, отдаленность и даже некая несоотнесенность в диалектике существования этих явлений в развитии общества. Что их связывает и как коррелируется их развитие в общем процессе жизни общества? Этнографы предлагают в качестве такого связующего производительные силы и производственные отношения звена глубже рассмотреть известную категорию — хозяйственно-культурный тип — как способ жизнедеятельности общества в конкретных условиях его бытия. Поиск в этом направлении уже начат (см. подробнее: *Андреанов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. 1990. № 8*).

На обширном фактическом материале построена III часть книги — «Атрибуционная». Глубоко исследованы и корректно выделены автором этапы этнической и социально-политической истории аканов. К сожалению, меньше внимания уделено динамике традиционной экономики (с. 70—80), причем такая отрасль, как торговля, описана довольно подробно (она опорная для концепции автора), а земледелию посвящено немногим более одной страницы (с. 72—73). Это несколько обедняет историческую картину базового состояния аканского общества исследуемого периода.

Автором проделана большая работа в области исследования общественного строя аканов. Этнополитическую общность В. А. Попов рассматривает как систему социальных институтов в их взаимодействии и динамике развития. Здесь, как впрочем, и во всем исследовании, автор блестяще применяет системный подход, дающий ему всесторонний обзор изучаемого объекта. Очень интересны его новаторские выводы о структуре родовой организации. Весьма важно подкрепленное фактическими данными по аканам заключение о том, что в области общественной организации в ходе ее исторического развития генеалогический структурный принцип сменил стадийно более ранних групповой (с. 88—89); это уже было выявлено ранее рядом исследователей по другим народам Африки.

Большое научное значение имеет анализ терминов родства аканов как показателя уровня их социально-формационного развития, о чем уже упоминалось здесь, и вывод, что их этносоциальный организм стоял к началу колониального периода на стадии трансформации от первичной ко вторичной формации.

Безусловно заслуживают внимания находки В. А. Попова, связанные с признаками социально-возрастной стратификации аканов. Это прежде всего относится к организации воинских отрядов «асафов». В принципе выводы, касающиеся этого круга вопросов, представляются вполне справедливыми, исключая, на мой взгляд, недостаточно обоснованное материалом положение о том, что в прошлом у аканов возрастные группы существовали как система социального устройства (с. 104).

Автор справедливо указывает, что «социальный институт» — одна из основных категорий этносоциологического исследования, представляющая важнейшие черты общественной картины этноса (с. 80). Однако не секрет, что в науке еще нет однозначного понимания этой категории. В книге социальные институты выступают как «...исторические обусловленные общественные подразделения, характеризующиеся относительным единством регламентированных функций и нормой воспроизводства» (с. 81). Таким образом, здесь очевидно понимание социального института как определенного коллектива людей. Исходя из этой сущностной оценки обозначены критерии для выявления каждого конкретного социального института. И первым из этого комплекса критериев оказалось наличие в языке данного этноса термина для обозначения конкретного общественного подразделения.

Однако если под социальным институтом понимать нечто более широкое (а такое понимание также существует в науке), чем социальное подразделение и прежде всего — систему отношений и связей между социальными подразделениями в общественной структуре, регламентирующую определенные сферы жизнедеятельности общества через динамику его структурных подразделений (и здесь также реализуется принцип общественного разделения труда), тогда оказывается, что первый признак по В. А. Попову не является основным, тем более, что совсем не обязательно обнаруживается особый термин для социального института у каждого общества. Так, у галла Эфиопии в определенный период их развития система возрастных классов — доминирующий социальный институт. Однако он не имеет своего названия, а термин «гада» чаще всего неправильно используется в научной литературе, поскольку это слово в языке галинния означает не систему возрастных классов (это название закрепилось в европейских исследованиях и стало традиционным в соответствующей литературе) как социальный институт, а всего лишь «период времени, соотносимый

с 8 годами в европейском исчислении». Кроме того, у галла в рамках действия этого института имеется довольно большая номенклатура названий для таких абстрактных понятий как социальные степени, а также для большого круга возрастных подразделений — групп сверстников, причем наименований, хотя и повторяющихся циклически, но в одном цикле — разных. А у обществ, обладающих возрастными системами не циклического, а линейного характера, эти номенклатуры вообще состоят из разных названий и не повторяются. Далее, к примеру, система брачных классов, известная у ряда народов Восточной Африки — это также социальный институт со своими подразделениями. Насколько известно, он также не имеет особого названия как институт. Однако, реализуя в жизни общества определенные традиционные нормативы, этот институт обеспечивает принадлежность лиц общества к структурным подразделениям через конкретную номенклатуру наименований по брачным классам.

В связи с этим возникает также вопрос, ответа на который в книге не удалось обнаружить: как возможно различить такие понятия, как «род» и «родство»? Род — это институт, или точнее было бы, — институт родства? Мне представляется, что в понимании автора книги род должен быть социальным институтом, хотя вряд ли мы всегда сможем обнаружить у каждого этноса этот термин в языке. Институт родства точнее характеризует, как мне представляется, сущность понятия «социальный институт», ибо он касается и системы связей, и лиц, принадлежность которых к этой системе связей выражена через действие этого института. В подтверждение такого понимания также замечу, что признание В. А. Поповым у ашантийцев социального значения патрилинейных связей при отсутствии патрилинейной филиации (с. 88), подкрепляет скорее взгляд на социальный институт как на систему связей, а не только как на подразделение лиц, через которых эти связи реализуются. Думается, что в ряду многих других проблем, поставленных в книге В. А. Попова, и этот вопрос, его разработка — хорошая основа для широкой научной дискуссии.

Основные теоретические положения исследования, их новая разработка и осмысление содержатся в III части книги. Самой высокой оценки заслуживает анализ экономической базы аканов, в том числе их производительных сил, кооперации труда, землепользования и форм собственности, распределения прибавочного продукта, источников доходов знати, способов эксплуатации, имущественной дифференциации. Важным историческим выводом является высказанное автором утверждение об экстенсивном характере экономики аканов и отсутствие у них общественной потребности в интенсификации производства вследствие наличия свободной земли и возможности обогащения за счет торговли, военных грабежей.

Автору удалось аргументированно разработать идею «неотделенности земли от общины», в силу чего земля у аканов в предколониальный период еще не стала отдельным компонентом производительных сил. С одной стороны — в этом обществе не было безземельных членов общины, а с другой — у вождей в их пользовании земли было не больше, чем у рядовых общинников. К этим же взглядам примыкает важный вывод автора об «ограниченном» характере собственности у аканов и неправомерности ее отождествления с частной, что широко бытует в литературе (с. 170—175). Заключение В. А. Попова, сделанные на основе всестороннего исследования фактического материала, не оставляют сомнения в глубоко неправильном определении доколониального общества аканов как, якобы, феодального. Трудно также не согласиться с точкой зрения, что «... за исключением государства Сонгай, где в XVI—XVII вв. процесс обозначился явно, Тропическая Африка в доколониальное время так и не увидела сложения крупного частного землевладения». Это, как он считает, вытекает из факта, что пожалованные земли с сервилльными общинами носили характер прижитного владения, а не собственности, так как земля предков не наследовалась частными лицами (с. 193). Возможности для феодализации у аканов были, как пишет автор, но поскольку основные признаки феодального способа производства отсутствовали, не развились, то и говорить даже о «раннефеодальном укладе» в аканских этнополитических организмах нет оснований (с. 193). Что же касается данничества, то в книге сделан справедливый вывод, что оно несомненно составляло особый уклад (с. 193). В целом автор, конечно, прав говоря о «вертикальной» многоукладности, создававшей динамическое равновесие первобытного способа производства, с многообразием, рабовладельческим и «африканским» способами производств, а точнее укладами.

Особого внимания требуют рассуждения автора в связи с категорией азиатского способа производства (АзСП). Весьма актуально его уточнение относительно позиции К. Маркса в этом вопросе. В. А. Попов верно отмечает, что Маркс «фактически отождествлял АзСП с первобытным, точнее

рассматривал АзСП в качестве первого СП, а под первобытностью в 1853—1859 гг. он понимал нечто иное..., но сторонники АзСП замалчивают этот момент» (с. 43). Это уточнение особенно важно для восприятия и оценки собственной позиции В. А. Попова в этом вопросе. Он, в отличие от ряда исследователей (например, Г. С. Киселева), утверждающих доминирование азиатского пути развития в доколониальной Тропической Африке, приходит к иному, на мой взгляд, совершенно верному выводу о том, что у аканов не было политарного типа собственности на землю, а, следовательно, и не было одного из трех основных признаков азиатского способа производства — политарной классовой структуры. А поэтому нет оснований признавать у аканов и особый уклад, основанный на АзСП, тем более, что у К. Маркса определение этой категории есть не что иное, как «общественная формация, основанная на первобытной общине» (с. 197).

Далее следует весьма серьезный разбор еще совсем нового научного понятия — «африканский способ производства» (АфСП). Автор на большом материале доказывает, что у аканов обнаруживаются все признаки АфСП: полная монополия государства на экстравертный обмен; отсутствие частной собственности на средства производства; косвенная эксплуатация общин (данничество); перераспределение в потлачевидных формах; домашнее рабство; социальная стратификация на управителей и управляемых; раннее государство (с. 46—51). Эти признаки вытекают из достаточного количества исторических данных по обществам аканов. У них не обнаруживается определяющего признака классов — различного отношения социальных групп к средствам производства. Отсутствием частной собственности также объясняется и принципиальное отличие ведущих способов эксплуатации в обществах аканов от развитых докапиталистических, сочетавших внеэкономическое принуждение с частно-собственнической основой эксплуатации (с. 198).

Кроме того, у аканов не сформировалось право индивидов по рождению занимать социальное положение или должность. Основой социального возвышения слоя управителей служила не собственность на средства производства, а право на перераспределение прибавочного продукта, сформировавшееся в процессе общественного разделения труда (с. 199). Обращаю внимание на факт, что сам материал подводит к важнейшему заключению о ведущей роли фактора разделения труда в развитии формационного социального признака.

Опираясь на эти базовые выводы, автор в дальнейшем дает исчерпывающую характеристику Конфедерации Ашанти (с. 204—208) как своеобразного этнополитического организма, ошибочно определявшегося до последнего времени в большинстве работ как государство в полном его историческом значении по Марксу. В. А. Попов обоснованно приходит к выводу о наличии у аканов «синдрома государства, но... особенности Конфедерации Ашанти (прежде всего отсутствие классов) не позволяют полностью отождествить... аканов с государством в марксистском понимании этой категории» (с. 209). Вместе с тем высказана и развита плодотворная идея о возможном появлении государственности без антагонистических классов. Автор предлагает рассматривать Конфедерацию Ашанти в качестве варианта «параполитейных» обществ, поскольку в ее надстройке были элементы государственности при отсутствии классов и частной собственности на средства производства (с. 210—211). Здесь следует согласиться, что классовобразующие факторы у аканов появились только в результате контактов аканов с европейцами.

Есть вполне обоснованная уверенность в том, что эта полито-генетическая контрверза о закономерном существовании «бесклассовой государственности» была бы успешно разрешена, если бы была далее рассмотрена с привлечением данных пономадам. Уже давно были подвергнуты серьезной критике разного рода «феодалные» мотивы, применявшиеся кномадам в отечественной литературе, поскольку в зарубежной науке ономадизме такой проблемы просто не существует. Наоборот, там давно признано, чтономадизм представляет особую социо-экономическую систему, существующую в определенных экологических условиях. Это положение довольно близко подходит к предложенной в советской науке теории ономадизме как особом способе производства (см. подробнее: *Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976; Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Указ. раб.*). Номады — пример обществ, где при отсутствии классовой структуры и частной собственности на землю и одновременно достаточно глубокой социально-экономической дифференциации, при особом сочетании исторических условий возникали эфемерные «империи», надплеменные образования, конфедерации, которые существовали какое-то историческое время и распадались, так и не достигнув в своем развитии классических форм и существа классово-антагонистического этнополитического организма (примеры тому: монголы, хунну, в Африке — конфедерации галла, объединения племен сомали). Как видно, аналогии здесь есть и привлечение материала пономадам, вероятно, даст возможность

при дальнейшей разработке темы политогенеза вывести проблему из дискуссионного русла и разрешить ее.

Следует отметить как весьма положительное явление новую критическую оценку в книге роли и сущности работорговли. В отличие от большинства исследователей, трактующих работорговлю либо крайне негативно, либо как только прогрессивное явление, В. А. Попов показывает, что воздействие работорговли на африканские этнополитические организмы гораздо сложнее, более неоднозначно и противоречиво. С одной стороны — она затормозила развитие производительных сил Африки, с другой — ускоряла прежде всего развитие надстройки африканских обществ, стимулируя процесс усложнения социальной и политической структуры, социального и имущественного расслоения. Торговые связи с более развитыми обществами были катализатором для этих процессов (с. 218). Здесь можно было бы отметить сильное воздействие на дальнейшее углубление разделения общественного труда, что в конечном итоге привело к базовым изменениям в аканских обществах. Если говорить о работорговле как об этапе в истории народов континента, его можно было бы определить как начало эпохи эксплуатации Африки в качестве поставщика монокультур, ибо массы рабов — это тоже своеобразная «монокультура», а Африка — плантация для ее возделывания.

Еще раз отмечу, что особую теоретическую ценность имеют взгляды В. А. Попова относительно научного характера политогенеза у аканов, выразившегося в сложении «вторичного государства» до возникновения классов и частной собственности на землю. В. А. Попов в своей работе прекрасно развивает предварительно сформулированные идеи этого направления в работах своих предшественников-африканистов — О. С. Томановской, Л. Е. Куббеля. Их общие идеи в разработке В. А. Попова нашли широкое подтверждение.

Интересны попытки автора объяснить размытость этнических границ «лингво-культурной непрерывностью субстрата», а также тем, что аканские омане представляли демосоциальные организмы (в трактовке Ю. И. Семенова), поскольку их границей была граница не занимаемой территории, а того круга людей, который и составлял оман, причем принадлежность к конкретному оману регулировалась нормами СОР (социальной организации родства) — с. 221. В этих, на мой взгляд справедливых, рассуждениях автора, интересным оказалось для меня адекватное применение термина Ю. И. Семенова («демосоциальный организм»), предложенного им для определения этносоциального организма кочевников, к оседлым доклассовым обществам аканов (оман-этносоциально-политическая общность). Видимо, это не случайно, так как действительно обнаруживается немало точек совмещения этих типов обществ. Этот уровень этнополитического развития В. А. Попов предлагает называть «параполитейность» (парагосударственность). Полностью соглашаясь с его разработкой сущности явления, не могу не высказать субъективное несогласие с предлагаемым новообразованием, пополняющим вал иностранных слов, захлестывающих наш научный язык. Я призываю к поискам удобопонятного русского термина.

Заключение в книге кратко, но по содержанию очень емко (с. 224—225). В восьми пунктах исчерпывающе сформулированы все основные выводы исследования и выделено все новое. В связи с этим еще раз обращаю внимание на отдельные выводы, представляющиеся особенно существенными. Прежде всего это относится к важному заключению о несостоятельности феодальной и рабовладельческой версий формационного развития аканов. Эта принципиальная позиция автора книги — еще один серьезный аргумент против стремления излишне расширительно толковать существо феодальных отношений, модернизировать социальный строй многих традиционных обществ не только Африки, бесосновательно завышать исторический уровень их развития, нанося этим ущерб их современному социально-экономическому, политическому и культурному развитию.

Не менее важен вывод о возможности опережения политогенезом классообразования, что приближает разрешение сформировавшейся в исторической науке политогенетической контroversы о невозможности появления государства в доклассовом обществе. При этом автор подчеркивает, что аканские этнополитические организмы не являются государствами в марксистском понимании, и что эти «параполитейные» общества закономерно отличаются застойным, тупиковым характером доколониальных этнополитических организмов.

Справедливым представляется выделенный в истории Тропической Африки особый «предколониальный» период, подготовивший переход этих обществ в колониальный, отмеченный формированием особого типа колониального общества.

Полностью разделяю точку зрения В. А. Попова относительно выделения на основе аканского материала комплекса признаков африканского способа производства, характерного для вторичных этнополитических организмов, которые взаимодействовали с более развитыми классовыми общест-

вами. Вместе с тем не могу не высказать предположение, что этот способ производства, возможно, обнаружит более широкую историческую основу, нежели только военно-торговую, которая указывается аканскими данными. Совершенно очевидно, что разработка этой проблемы раскроет много нового при привлечении к ней более широких этнических данных.

Рецензируемая книга содержит большой материал и отличается неординарными подходами к его интерпретации, затрагивает множество дискуссионных вопросов и тем. К сожалению, масштабы рецензии позволяют остановить внимание лишь на некоторых из них. Тем не менее справедливость требует сказать, что книга В. А. Попова – огромный труд, сочетающий глубокий анализ обширных данных с широким теоретическим обобщением, а ряд выводов представляют новое слово не только в области африканистики. Книга В. А. Попова — в полном смысле слова — значительный вклад в науку и открывает новые перспективы в изучении обществ первичной и перехода ко вторичной формации во всех регионах мира, где некоторые народы стояли или стоят еще на аналогичном уровне. Вместе с тем думаю, что не ошибусь, если выскажу предположение, что книга не оставит равнодушными ни сторонников содержащихся в ней мыслей автора, его предположений и выводов, ни их оппонентов.

К. П. Калиновская